
МАРИНА ВЕТРОВА ✦ ЗЛАТА ХИТРОВА
Измена мужа.
Ты хотел украсть моё наследство, но твой адвокат выбрал меня!

Марина Ветрова

Измена мужа. Ты хотел украсть моё наследство, но твой адвокат выбрал меня!

«Автор»
2026

Ветрова М.

Измена мужа. Ты хотел украсть моё наследство, но твой адвокат выбрал меня! / М. Ветрова — «Автор», 2026

В годовщину свадьбы муж привёз на нашу виллу на Мальдивах любовницу. Она объявила, что ждёт от него ребёнка. А он предложил мне принять новую «семью» и не устраивать сцен.Я думала, хуже уже не будет. Ошиблась.Артур задумал отобрать гостиничную коллекцию, доставшуюся мне после смерти первого мужа, и выставить меня беспомощной истеричкой.Но дождь запер нас на острове вместе с человеком, которого Артур боится больше всего.Дамир, беспощадный юрист холдинга, знает тайну мнимой беременности и хранит доказательства предательства.Он предлагает помощь, но у него собственные счёты с моим мужем.Сможем ли мы наконец довериться друг другу, когда на кону всё?

© Ветрова М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Подарок для нас двоих 5
Глава 2. Дождь отменяет рейсы 7
Глава 3. Человек с папкой 9
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Марина Ветрова, Злата Хитрова Измена мужа. Ты хотел украсть моё наследство, но твой адвокат выбрал меня!

Глава 1. Подарок для нас двоих

Дождь начался за час до ужина — и я ещё подумала: как удачно. Пять лет назад мы с Артуром плыли на этот остров в шторм, я держала его за руку на корме и смеялась, потому что боялась. Пять лет. Годовщина. Частная вилла «Жемчужина», вся наша — на неделю, с белыми мостками, с жасмином, который пьянил так, что кружилась голова, с управляющей Фатимой, которая встречала меня, как родную.

Я надела то самое платье — цвета мокрого песка, на бретельках, которые он сам завязывал мне на шее тогда, пять лет назад. Стояла перед зеркалом в спальне, пахнущей сандалом и свежим бельём, и чувствовала себя женщиной, которую любят.

Глупая. Это слово я буду вспоминать всю эту неделю. Глупая, глупая.

Артур постучал и вошёл — в белой рубашке, расстёгнутой у горла, загорелый, красивый, с той улыбкой, от которой когда-то у меня вздрагивало сердце. Он сел на подлокотник кресла, взял мою руку, поцеловал костяшки.

— Готова к сюрпризу?

— Ты никогда не умеешь молчать про подарки, — улыбнулась я. — Ты ещё в самолёте многозначительно хихикал.

— В этот раз, — он поднял мой подбородок пальцем, — сюрприз не в коробке. Идём.

Свечи горели по всей террасе, дождь шуршал по навесу из ротанга ровно и ласково, как белый шум. Стол — на четырёх персон. Я заметила это раньше, чем четвёртого гостя.

Четвёртый стул. Накрытый. С салфеткой из полотна и веточкой гибискуса.

— Артур, у нас гость?

Он подвёл меня к столу, усадил, налил шампанского — и я увидела, как к террасе идут через сад двое. Артур. И женщина.

Она была моложе меня лет на восемь, в шёлковом платье цвета спелой сливы, с копной рыжих волос и животом — небольшим, аккуратным, на самом пороге той стадии, когда уже не скрыть. Она шла под руку с моим мужем так, как ходят под руку с мужем. Уверенно. По праву.

— Ева, — Артур стоял за её стулом и отодвигал его. Отодвигал стул ей. — Это Мила. Моя… гостья. Я решил, что тебе не стоит проводить годовщину одной, пока я работаю с партнёрами. Мила составит нам компанию.

Мир качнулся. Свечи поплыли. Я услышала свой голос — ровный, издалека:

— Компания. На ужин годовщины нашей свадьбы.

— Мы не на церемонии, — Артур сел, жестом предложил Миле сесть тоже. Она села, положила салфетку на колени, живот — её живот — качнулся под шёлком. — Мы среди своих. Так даже честнее.

— Честнее, — повторила я.

Я смотрела на мужа. Пять лет совместной постели, совместных завтраков, совместных подписей под документами холдинга — я была той, кто после смерти Кирилла, моего первого мужа, доверилась этому человеку и вышла за него. И он сидел напротив меня, наливал вино женщине с животом, и улыбался.

— Может, мне всё-таки объяснишь? — я положила вилку на скатерть. Пальцы не дрожали. Я запретила им дрожать. — На нашем ужине. Наша годовщина. Женщина в положении, которую ты привёз через полмира.

— А пусть сама расскажет, — Артур кивнул Миле.

Мила положила ладонь на живот. У неё были накладные ногти — цвета шампанского, я заметила это в первые три секунды, — и кольцо, которого у меня на пальце не было уже третий год, потому что Артур «не любил церемоний».

— Ева, — голос у неё был мягкий, вкрадчивый, тёплый, как масло. — Мы не хотели, чтобы вы узнали вот так. Но срок уже пятнадцать недель, скрывать дальше неправильно перед вами.

Шум дождя стал оглушительным.

— Передо мной, — сказала я.

— Подарок, который он приготовил нам двоим, — Мила улыбнулась и повернулась к Артуру, и он ей улыбнулся в ответ — той улыбкой, которую я считала своей. — Ребёнок. Артур ждёт ребёнка. И мы обе, — она сделала глоток воды, — теперь его семья. Просто в разных ролях.

Я не помню, как встала. Помню скатерть, помню, как свеча у моего локтя дрогнула от сквозняка, помню лицо Фатимы в дверях — тёмное, неподвижное, с глазами, в которых не было ни капли удивления. Запомнила это. Фатима не удивилась.

— Ты знал, — сказала я Артуру, — что она скажет это сегодня. Ты привёз её сюда на годовщину, чтобы она сказала это при свечах.

— Я привёз её, чтобы не строить из этого трагедию, — Артур поднял бокал. Мой муж поднял бокал. — Вы обе взрослые женщины. Ева, у тебя есть холдинг, имя, деньги. У Милы — только я. Не жадничай.

Дальше был вечер, который я должна буду рассказывать по ночам ещё долго. Приехали к одиннадцати партнёры — две семьи, с которыми холдинг жил двадцать лет, Ланская и Греде, и с ними пришли жёны, которых я годами обнимала на приёмах. Артур встретил их на террасе и, я поняла мгновенно, загодя всё им рассказал: они садились ко мне с лицами, отлитыми из жалости.

— Ева, милая, — Ирина Ланская взяла меня за руку в гостиной, пока мужья говорили о цифрах, — но ты же понимаешь, сначала наследство, потом скандалы. Не вини Артура. Мужчина живой. А ты всё равно ведь… Кириллова вдова, у тебя всё есть.

Всё есть. Я стояла у окна, за которым дождь хлестал по пальмам, и внизу, у мостков, Артур держал Милу под руку, о чём-то смеясь с ней вполголоса, и она вжималась в его плечо — жест, который он любил, который я делала тысячу раз.

Я была женой, у которой «всё есть», и потому мне полагалось молчать и улыбаться, пока на моей годовщине при свечах другая женщина дарит моему мужу ребёнка.

Я легла одна. Дождь барабанил по крыше без остановки, ровно, настойчиво, как счёт. Я лежала в темноте на своей половине огромной кровати и считала удары, и на тридцатом поняла: я не заплачу. Не сегодня. Сегодня я буду лежать и считать, а завтра — считать другое.

Потому что пятнадцать недель на шёлковом платье висели как-то странно. Слишком низко. Как вешают те, кто не привык носить.

Я уснула с этой мыслью, и во сне кто-то гладил меня по волосам — но, проснувшись, я была одна, и подушка была холодная с обеих сторон.

Глава 2. Дождь отменяет рейсы

Утром третий день подряд лил дождь.

Не путешественнический ливень — тот прошёл бы за полчаса и оставил после себя мытую, сияющую зелень. Это был сезонный, монотонный, серый поток, от которого небо и море слились в одну стену воды, и вертолётная площадка на краю острова стояла пустая, с лужей посередине.

— Все рейсы отменены, госпожа Дорохова, — Фатима ставила передо мной кофе в гостиной, на столик у окна. Кофе пах кардамоном, рядом лежал спелый манго, разрезанный веером — она делала это молча, каждое утро, и это была единственная еда за три дня, которую мне хотелось брать в руки. — Метеослужба говорит: фронт на четыре дня. Может, на пять.

— Пять, — повторила я. — Значит, я в ловушке.

Фатима подняла на меня глаза. У неё было спокойное, вылепленное лицо и руки в тонких кольцах, и она всегда говорила чуть тише, чем требовалось, — так, что приходилось наклоняться к ней, и от этой близости её слова становились почти доверительными.

— Ловушка — это когда не знаешь, что ты в ловушке, — сказала она и вышла.

Я не успела подумать над этими словами, потому что в гостиную вошёл Артур с папкой.

Я знала эту папку. Кожа цвета коньяка, фирменное тиснение холдинга, такие он таскал годами. Но сегодня он нёс её не как работу — он нёс её, как дар. Как поднос с пирожными.

— Доброе утро, жена. — Он поцеловал меня в макушку, сел напротив, разложил на низком столике бумаги. — Выпей кофе. То, что я скажу, лучше воспринимается с кофе.

— Артур.

— Смотри. — Он подвинул мне первый лист. — Раздел по-хорошему. Я говорю с тобой как партнёр, не как муж, потому что мужская часть наших отношений, — он развёл руками, — ты видишь сама, обстоятельства сильнее нас. Ты подписываешь отказ от доли в коллекции. Взамен я сохраняю тебе лицо семьи: дом в Подмосковье, содержание, машина остаётся. И главное — никаких судов, никаких утечек. Никто не узнает, что ты ушла со скандалом.

Я взяла лист. Бумага была плотная, тёплая от его рук. Заголовок: «Соглашение о добровольном разделе имущественных прав». Ниже — цифры. Ниже — место для подписи.

— Доля в коллекции, — сказала я, — основана на наследстве от Кирилла. Половина акций в моей собственности до того, как я вышла за тебя.

— Была, — мягко поправил Артур. — Ева, солнышко, не начинай. Твоё имущество смешано с холдинговым уже пять лет. Юристы, — он улыбнулся, — считают иначе, чем вдовы.

Юристы. Я подняла глаза на мужа и впервые за пять лет посмотрела на него внимательно — так, как смотрела на цифры в отчётах. Белая рубашка. Ухоженные руки. Ногти Милы цвета шампанского. Пятно на шёлковом платье — слишком низко.

— Почему сейчас? — спросила я. — Почему не через месяц, не через год? Ты привёз её на годовщину, объявил ребёнка, а сегодня утром — папка. Артур, ты это репетировал. Когда?

Он не смутился ни на йоту. Он вообще был неспособен смутиться — это я должна была понять давно.

— Когда неважно, — сказал он. — Важно, что дождь, рейсы отменены, и мы оба на острове, и никто никуда не торопится. Подпиши, и через неделю мы разлетимся по своим жизням красиво. Откажешься, — он поставил локти на стол, и голос его стал ниже, — начнётся некрасиво. Я не хочу, но меня поймут.

— Кто поймёт?

— Партнёры. Совет. Люди, которые двадцать лет думают, что ты — святое вдовье имя на вывеске. — Он встал, поправил манжеты. — Подумай до вечера. Я не тороплю. У нас весь сезон дождей впереди.

Он вышел, и через минуту я из окна увидела, как он идёт по мокрой дорожке к домику в конце сада — туда, где поселили Милу. Домик для гостей. Домик для неё.

Я сидела одна, и кофе остывал, и манго пах слишком сладко, и подпись на листе белела пустой графой, как выбитый зуб.

Я не буду подписывать. Это я поняла сразу, всем телом, как понимают то, что нельзя объяснить. Но подпись — не главное. Главное — я начала считать. Кирилл умер четыре года назад — внезапно, в дороге, и его подписи на ряде документов после этого я видела уже при Артуре. Странным образом оформленные поручительства. Странным образом обновлённые доверенности. Я тогда не вникала — вдова с остывающим сердцем не вникает в бумаги.

Теперь вникну.

Весь день дождь ходил по вилле, как хозяин. Я перебирала своё — немногое: телефон с половиной сигнала, ноутбук, на котором был только почтовый клиент, косметичку и два платья. Артур забрал мой телефон в первый же день, «чтобы никто не дёргал тебя во время отдыха», и вернул ночью, вычищенный, как новый. Я писала сестре в Женеву — письма не уходили. Я писала нашим юристам — тишина.

К вечеру я вышла под навес у бассейна. Дождь стоял стеной в метре от меня — серебряный, грохочущий, живой. Море было белое от пены. Я стояла и думала: если подпись Кирилла подделана, если «беременность» — спектакль, если вся эта годовщина — операция по выдавливанию меня из наследства, то у них всё продумано до мелочей. Кроме одного.

Кроме меня.

— Госпожа Дорохова.

Фатима возникла рядом беззвучно, как умеют только люди, выросшие при больших домах. В руках у неё был зонт и что-то ещё — конверт, промокший по краю.

— Это вам. Сказали передать до ужина.

— Кто сказал?

— Человек с материка, — Фатима смотрела в дождь. — Юрист холдинга. Летит утром, если погода позволит. Он просил вам передать: не подписывайте ничего. И что он знает про женевскую клинику.

Про женевскую клинику.

У меня внутри всё стало холодно и очень ясным. Я не говорила никому про клинику — потому что сама узнала про неё только позавчера, уронив телефон Милы и извиняясь, поднимая, увидев на экране напоминание: «Женева, приём, 14:40».

Я разорвала конверт. Внутри была одна строчка, написанная твёрдым, бьющим почерком:

«Ваш муж нанял актрису. У меня на него папка на четыреста страниц. Ждите. Д.»

Я стояла под навесом, прижимая мокрый лист к груди, и дождь ревел вокруг, и впервые за три дня мне захотелось не плакать, а смеяться.

Где-то в доме Артур наливал вино своей «гостье» и полагал, что запер меня на острове.

Он не знал, что остров сам открыл мне дверь.

Глава 3. Человек с папкой

Он прилетел на вертолёте сквозь дождь — я узнала об этом по тому, как изменился дом.

Утром пятого дня Фатима переставила завтрак из гостиной на большую террасу с видом на море и велела садовнику срезать гибискус — красный, для вазы. Повар, молчавший три дня, вдруг испёк круассаны. Дом, который неделю жил с зажмуренными глазами, вдруг открыл их и посмотрел на меня — внимательно, предупредительно, как смотрит прислуга в старых домах, когда чувствует: хозяин сменился, и не тот, что числится в бумагах.

Я сидела на террасе с остывающим кофе, когда вертолёт прошёл над лагуной — тёмная стрекоза в сером небе. Он шёл низко, упрямо, вопреки погоде, и у меня сжалось что-то под рёбрами: так летают только те, кому очень нужно.

Артур вышел на террасу следом за мной, халат подпоясан, лицо свежее, отдохнувшее — за мой счёт, за счёт моих бессонных ночей.

— Кто-то из партнёров, — сказал он небрежно, но я заметила, как он повёл плечами, поправил манжету. — Наверное, по вилле. Ничего интересного.

— Наверное, — согласилась я и сделала глоток. Кофе был идеальный. Впервые за неделю.

Артур не вынес. Он прошёлся по террасе, тронул спинку моего кресла — привычный жест власти, который раньше я находила почти нежным, а теперь видела насквозь: так трогают вещь, проверяя, на месте ли.

— Ева. Папа звонил. Мать звонила. Все ждут, когда ты перестанешь дуться и подашь пример. Ты же умная женщина. Подпиши — и все мы разъедемся по домам красивыми.

— Красивым будешь ты, — сказала я. — Я буду просто свободной.

Он усмехнулся — коротко, обидчиво — и ушёл к себе, и я услышала, как он запер дверь кабинета. Запер. На моей вилле. Из моей коллекции.

Я допила кофе. В горле стоял привкус жасмина — Фатима поставила вазу с ветками прямо под навесом, и дождь бил по лепесткам, разбрасывал их по каменному полу, красные, как кровь на снегу.

Дамира я увидела через двадцать минут.

Он шёл по дорожке от вертолётной площадки без зонта — пиджак промок на плечах тёмными пятнами, но походка была такой, будто дождь не имел к нему ни малейшего отношения. Высокий, сухой, лет сорока, с лицом, которое не улыбается заранее. Я знала его по фотографиям из архивов холдинга: Дамир, юрист, человек, который девять лет вёл все бумажные войны семьи и ни разу не дал интервью. Человек, о котором Артур говорил всегда с лёгким сдержанным раздражением: «Этот… из юридического блока. Бездушный».

Он поднялся на террасу, и Фатима уже стояла рядом с полотенцем, но он не взял его. Он смотрел на меня.

Я встала. Почему-то обязательно было встать.

— Госпожа Дорохова. Дамир. Холдинг, юридический блок.

— Я знаю, кто вы.

— Знаете, — сказал он. Это не было вопросом и не было лестью. Он положил на стол папку — серую, плотную, с завязками. Папка легла на камень с глухим мягким звуком, как что-то живое, что устало. — У меня к вам пятнадцать минут и предложение. Пятнадцать минут — потому что через пятнадцать минут ваш муж спустится к завтраку и начнёт играть в порядочность. Предложение — вот оно.

Он развязал папку. Пальцы у него были длинные, сухие, с коротко стриженными ногтями — руки человека, который девять лет держал в них чужие судьбы, подшитые в такие вот папки.

— Госпожа Дорохова… — начал он, но я уже смотрела не на него. Я смотрела в папку.

Верхний лист — фотография Милы. Та самая Мила, которая три дня назад сидела за нашим ужином в платье за четыре тысячи евро, гладила живот и говорила про «подарок для нас двоих». На фотографии она была другая — ярче, жёстче, без той театральной нежности, которой она обвешивалась, как гирляндой. Второй лист — контракт. Третий — платёжное поручение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.